

А. Г. СУПРИЯНОВИЧ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАРДЖЕРИ КЕМП, ИЛИ КАК АВТОР СТАЛ ГЕРОЕМ¹

Ключевые слова: историография, Марджери Кемп, гендерная история, женская средневековая мистика

Аннотация: В статье рассматриваются интерпретации «Книги» позднесредневековой английской визионерки Марджери Кемп, возникшие в рамках различных историографических направлений XX — начала XXI веков. Автор исследует, как и почему радикальным образом менялось восприятие «Книги», ее автора и главной героини.

Личность Марджери Кемп (1373 — после 1438)², визионерки и паломницы, сумевшей соединить следование путем Христовым с замужним положением, автора «Книги», в которой была запечатлена ее бурная жизнь, вызывала далеко неоднозначное отношение уже у ее современников. Одни считали ее чуть ли не святой, во всяком случае, не сомневались в ее избранности и искренности, другие наоборот — испытывали в них большие сомнения и даже прямо называли ее лживой лицемеркой. Соответственно, также полярно интерпретировалось и ее поведение: у одних оно вызывало восхищение и уважение, другие считали его неприличным, третьи

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

² Подробнее биографию и библиографию см. *Atkinson C. Mystic and Pilgrim: The Book and the World of Margery Kempe. Ithaca: Cornell University Press, 1983. Библиогр. — P. 221–233; Lochrie K. Margery Kempe and Translations of the Flesh. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. P. 237–248; Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. State College: Pennsylvania University Press, 1994. P. 201–216; Godman A. Margery Kempe and her World. Longman, 2002; McAvoy L. H. Authority and the Female Body in the Writings of Julian of Norwich and Margery Kempe. Cambridge, 2004. P. 238–261; Суприянович А. Г. Женская идентичность и средневековая мистика: опыт гендерного анализа. М.: ИВИ РАН, 2008, а также на посвященных визионерке сайтах <http://www.luminarium.org/medlit/margery.htm>, <http://www.holycross.edu/departments/visarts/projects/kempe>*

испытывали к ней жалость, считая ее, мягко говоря, нездоровой. В значительной степени такой широкий спектр оценок был вызван поведением самой Марджери, демонстрировавшей большое разнообразие поведенческих тактик.

Еще более широкий спектр интерпретаций поведения Марджери предложила современная историческая наука. Различные историографические направления XX — начала XXI веков внесли свою лепту в способы прочтения и понимания ее «Книги».

Будучи обнаружен в 30-х гг. прошлого столетия³, текст получил не особо лестную оценку ведущих исследователей средневековой мистики, зато стал благодатной почвой для психоанализа. Его автору, причисленному к второплановым мистикам, был поставлен диагноз «истерия»⁴, впрочем, небезосновательно⁵, а потому и до сих пор он нередко всплывает в историографии.

³ «Книга» Марджери была известна специалистам по сокращенным версиям, сохранившимся в изданиях XVI века. Из них была извлечена часть информации, в первую очередь биографического характера, так что о самом авторе было известно немного. Еще в начале XX века ее считали затворницей, как об этом сообщалось в издании 1521 г., подобно ее старшей современнице из Нориджа, с которой ее сравнивали и традиционно продолжают это делать. Полная версия текста была обнаружена в 1934 г. в Ланкашире, вскоре издана и затем многократно переиздана как на языке оригинала, так и в переводах на современный английский язык. Сам манускрипт датируют 40-ми годами XV в. Как полагают исследователи, это копия, сделанная с несохранившегося оригинала, находившаяся в картузианском аббатстве в Йоркшире, где текст активно читался. По ранней истории издания «Книги» см. *Foster A. A Shorte Treatyse of Contemplacyon: The Book of Margery Kempe // A companion to the Book of Margery Kempe / Eds. J. Arnold, K. Lewis. Cambridge, 2004. P. 95–112.*

⁴ См., напр. *Knowles D. The English mystical tradition. L., 1961. P. 146; Stone R. K. Middle English Prose Style: Margery Kempe and Julian of Norwich. Mouton, 1970. P. 155–156; A book of showings to the anchoress Julian of Norwich / Eds. E. Colledge, J. Walsh. Toronto, 1978. [Studies and texts, 35]. Part 1. P. 53; Provost W. The English religious enthusiast Margery Kempe // Medieval women writers / Ed. K. M. Wilson. Manchester, 1984. P. 298.*

⁵ Марджери бурно репрезентировала на публику посещавшие ее видения, нередко сопровождавшиеся плачем и рыданиями, поэтому уже некоторые современники склонны были видеть в этом признаки душевного заболевания. Упрочению этого мнения немало способствовал факт действительно перенесенной психической болезни (Book 1). И уж если такие сомнения высказывались в эпоху, когда видения если и не были обычным делом, то также

Развитие женской истории, инициированное в первую очередь феминистками, характерные для его адептов поиски выдающихся женщин способствовали значительному повышению интереса к «Книге» с 80-х гг. XX века. Марджери была провозглашена средневековой феминисткой и борцом за права женщин. Соответственно обвинения в истерии были отнесены на счет шовинизма исследователей мужчин, а оценка жизни и деятельности женщины сменила знак на противоположный. Исследовательницы увидели в Марджери борца с женским неравенством, особу «глубоко неудовлетворенную традиционно предписанным статусом жены и матери и не желавшую признавать конвенционально санкционированные... ограничения в ее области деятельности...»⁶.

Увлекаясь пафосом борьбы, феминистки нередко впадали в крайности, допуская серьезные погрешности в анализе. Их с удовольствием «ловили за руку» и не только идеологические и профессиональные противники⁷. Свойственные некоторым работам эссенциализм и модернизация фактически превращали исследования, задуманные и исполненные как научные, в популяризаторские

и не считались невозможными, то вполне естественно, что в эру распространения неверия и психоанализа диагноз «истерия» был практически неизбежен. Тем более, когда это явление стало рассматриваться не только с медицинской, но и с социальной точки зрения. «Истерия» как специфически женский способ протестного говорения совершенно логично объяснял поведение женщины, демонстрировавшей полный набор признаков заболевания — театральность поведения, демонстративную «игру на публику», склонность к фантазированию и внушаемость, неуравновешенные эмоциональные состояния, плач с рыданиями. Ее видения, сопровождавшиеся театральным разыгрыванием, вполне подпадают под описание сумеречных состояний и т. п.

⁶ Szell T. From Woe to Weal and weal to Woe: notes on the structure of the Book of Margery Kempe // Margery Kempe. A Book of Essays. New-York-London, 1992. P. 74.

⁷ См., напр. Powell R. Margery Kempe: An Exemplar of Late Medieval English Piety // The Catholic Historical Review. Vol. 89 (2003). Iss. 1 (January). Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.0catch.com/lit-opera/kempe.html>. По утверждению Р. Пауэла, Марджери не только не была феминисткой, но даже яркой индивидуальностью, не то, что эксцентриком. Более того, она была абсолютно конвенциональна, и может рассматриваться в качестве образца английской позднесредневековой религиозности, поскольку отражает многие религиозные направления ее времени.

и пропагандистские. В случае с Марджери Кемп наиболее уязвимым оказался ее «феминизм». Слишком очевидными были ее убежденность в своем избранничестве и особой миссии, борьба за персонально лидерство и отсутствие в ее время чего-либо, напоминавшего женское движение за равноправие полов⁸.

Тем не менее, исследования феминисток способствовали значительному усилению интереса к «Книге», ставшей после развернувшейся дискуссии чрезвычайно популярным объектом анализа историков различных направлений. Как одно из ранних сочинений, вышедших если не из под пера, то хотя бы из уст женщины-автора, ее текст из «второстепенных» сочинений английских мистиков превратился в выдающееся произведение эпохи. Последующие споры о первостепенных и второплановых текстах и авторах, о женщинах-авторах, женских текстах и т. п. еще более подогревали к нему интерес. Феминистские авторы артикулировали проблему амбивалентности письменного слова для женщин, с одной стороны способствующего авторитаризации их слов, с другой, — в условиях маскулинной книжной культуры являющегося элементом угнетения женщин⁹. И «Книга» Марджери, рассказывающая в том числе о сложностях, с которыми столкнулась женщина, пытаясь письменно изложить и опубликовать свои воспоминания, послужила хорошим примером иллюстрации этого явления.

Проблема женских текстов и женского говорения под влиянием работ Люси Иригарэ, Элен Сиксу и Юлии Кристевой¹⁰ была переведена в ракурс дискурса тела и телесного. Взаимосвязь телесных и вербальных репрезентаций с гендером, обоснованная в их работах, фактически дала исследователям новую методологию ана-

⁸ Современные исследовательницы феминистки, не отказываясь от образа Марджери-борца с патриархальным режимом, предпочитают говорить о ее «префеминизме». См., напр. *Bradford C. Mother, Maiden, Child. Gender as Performance in the Book of Margery Kempe // Feminist poetics of the sacred: Creative suspicions / Eds. F. Devlin-Glass, L. McCredden. Oxford, 2001. P. 179.*

⁹ См. Об этом *Le Saux F. 'Hir Not Lettryd': Margery Kempe and Writing // Writing and Culture / Ed. B. Engler. Tübingen, 1992. P. 53–68.*

¹⁰ Наиболее важными для развития темы стали работы «Пол, который не единичен» и «Размышления о другой женщине» Люси Иригарэ, «Хохот медузы» Элен Сиксу и «Желание в языке: Семиотический подход к литературе и искусству» Юлии Кристевой.

лиза женских, в том числе средневековых мистических текстов. А после знаменитого исследования Каролин Байнум¹¹, рассмотревшей роль телесного и женского тела в первую очередь в средневековой женской мистике, появились работы, посвященные в том числе и персонально Марджери Кемп¹².

Одним из интереснейших примеров феминистского анализа «Книги» в этом ключе, оказавшим большое влияние на последующие исследования темы, является работа американской исследовательницы Кармы Локри «Марджери Кемп и трансляция плоти»¹³. Отправным пунктом ее размышлений стали высказывавшиеся ранее в историографии аргументы о значимости в позднесредневековой мистике телесных практик на пути подражания Христу и о большей ассоциации женского тела с плотью, нежели мужского¹⁴. Акцентируя различие в отношении к мужской и женской телесности, отражавшее гендерную идеологию плоти, Карма Локри утверждает необходимость анализа телесного дискурса для понимания позднесредневековых женских мистических текстов, и в частности «Книги» Марджери Кемп. Заявляя в качестве одной из основных целей книги описание «репрессирования женского тела в контексте средневековой культуры»¹⁵, исследовательница подчеркивает, что это репрессирование осуществлялось в средние века в иных формах, нежели в современной культуре, и в том числе происходило и

¹¹ *Bynum C. W. Holy Feast and Holy Fast. The religious significance of food to medieval women. University of California Press, 1987.*

¹² См., напр.: *Harding W. Body into Text: The Book of Margery Kempe // Feminist Approaches to the Body in Medieval Literature / Eds. L. Lomperis, S. Stanbury. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 168–187; Fredell J. Margery Kempe: Spectacle and Spiritual Governance // Philological Quarterly. Vol. 75. (1996) N. 2 (spr.) (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.0catch.com/lit-opera/kempe.html>); *Visconsi E. 'She Represents the Person of Our Lord': The Performance of Mysticism in the Vita of Elisabeth of Spalbeek and The Book of Margery Kemp // Comitatus: A Journal of Medieval and Renaissance Studies. 28, 1997. P. 76–89; McAvoy L. H. Authority and the Female Body in the Writings of Julian of Norwich and Margery Kempe. Cambridge, 2004.**

¹³ *Lochrie K. Margery Kempe and Translations of the Flesh. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991.*

¹⁴ Напр., см. *Bynum C. W. Op. cit. P. 296.*

¹⁵ *Ibid. P. 2.*

в языке. Она предложила свое прочтение «Книги» Марджери, основанное на феминистском тезисе о взаимосвязи тела и говорения и на поиске протестных форм женского говорения, позволявших выйти за границы культурного табуирования, таких как смех или истерический плач, выразивший религиозное желание.

Другой авторитетной работой этого направления, в которой анализировалась «Книга» Марджери в контексте гендерной идеологии, стало исследование Сары Беквиз «Тело Христова: идентичность, культура и общество в позднесредневековых текстах»¹⁶. Исследовательница интерпретировала поведение Марджери с точки зрения фукианского анализа политик тела и теории габитуса П. Бурдьё. Отмечая ограниченный доступ женщин к религиозной власти в средневековом обществе, она рассмотрела, каким образом, используя язык символов и «заместив свое тело иконой Христа»¹⁷, Марджери добивалась признания и поклонения. При том, что Марджери эффективно использовала «символический капитал тела Христова»¹⁸ и превращала свой символический капитал в экономический и наоборот, она, по мнению исследовательницы, постоянно находилась в ситуации внутреннего и внешнего конфликта. Трудности, возникшие у визионерки на пути подражанию Христу, объясняются исследовательницей как культурной ситуацией, характеризовавшейся непростыми взаимоотношениями между клерикальным и бюргерским миром, так и сложным механизмом мобилизации символов для доступа к власти, их многозначностью и конфликтным характером.

Развенчиванию врачебного диагноза способствовало и более глубокое изучение характера видений Марджери в контексте позднесредневековой мистики и сравнения английской и континентальной традиций. Изучение медитативных практик, а также биографий и текстов известных континентальных женщин–мистиков (в первую очередь св. Бригитты и Марии из Уаньи, с которыми в тексте Марджери есть очевидные параллели) позволило исследователям прийти к выводу о том, что поведение Марджери во время видений

¹⁶ *Beckwith S.* Christ's body: identity, culture and society in late medieval writings. Routledge, 1996 (1-st ed. 1993).

¹⁷ *Ibid.* P. 107.

¹⁸ *Ibid.* P. 110–113.

не было таким уж спонтанным и скорее выглядит как результат продуманной стратегии, поскольку подражает или известным образам, или корреспондируется с медитативной литературой¹⁹. В этих исследованиях также поднимался вопрос об ортодоксальности женщины, подозревавшейся в ереси еще современниками. Встраивание ее как в историческую, так и текстуальную традицию далее способствовало разрушению как образа экстравагантной истерички, так и малограмотной еретички. По удачному выражению Кэролайн Кулсон, медитации и мистицизм Марджери не выходили за рамки «Медитаций на Житие Христа», хотя и приближалась к их границам²⁰.

Историческая психология могла не только дискредитировать диагнозом, но и предложить свой инструментарий для создания позитивного образа визионерки и более того — способствовать ее включению в исторический контекст, что убедительно показало исследование Джона Хёша «Откровения Марджери Кемп: парамистические практики в позднесредневековой Англии»²¹. Отвергая обвинение в идеосинкразии, ученый подчеркивал, что Марджери была если и не типичным (поскольку смогла как минимум вербализовать свой опыт духовной жизни), но все же продуктом эпохи, впитавшим и отразившим религиозные практики, бытовавшие вокруг нее. Причем включающие не только (и возможно не столько) литературную традицию, сколько устное знание, историческую память и личный опыт²². Дж. Хёш объяснил происхождение и ха-

¹⁹ Atkinson C. *Mystic and Pilgrim: The Book and the World of Margery Kempe*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; Windeatt B. introduction // *The Book of Margery Kempe*. London, 1994 (1-st ed. 1985); Powell R. Op. cit.; esp. Hirsh J. *The Revelations of Margery Kempe: Paramystical Practices in Late Medieval England*. Leiden–New–York, 1989 etc.

²⁰ Coulson C. *Mysticism, Meditation, and Identification in the The Book of Margery Kempe* // *Essays in Medieval Studies*. V. 12, 1995. Эл. доступ — <http://www.illinoismedieval.org/ems/emsv12.html>.

²¹ Hirsh J. C. Op. cit.

²² «Религия живет в людях, а не в книгах», подчеркивал ученый. Ibid. P. 110. В последующем наблюдения Дж. Хёша о различных источниках видений Марджери разрабатывались как историками, так и филологами. См. в частности интересное исследование Лилианы Сикорской об устных и письменных типах наррации в «Книге»: Sikorska L. *Hir not lettyrd: The use of inter-*

рактик видений женщины, заговорившей от имени Христа, сопоставляя видения визионерки с современными американскими медитативными техниками. Сочетая методы социальной истории и психологии религии, он пришел к выводу, что религиозные практики Марджери были скорее парамистического, чем мистического характера, т. е. имели не столько божественное, сколько земное, социальное происхождение и базировались скорее не на мистическом, а медитативном опыте.

Естественно, что обсуждение проблем нормального и исключительного, принятого и поволяющего и напротив предосудительного и девиантного поведения наиболее активно велось в русле социальной истории, для которой «Книга» Марджери представляла богатый материал²³. «Переходный» характер эпохи, отраженный на страницах книги, имел следствием то причисление визионерки к представителям «старого мира» и приписыванием ей защиты религиозных ценностей от наступления буржуазной прагматичности, то наоборот репрезентации ее как носителя нового буржуазного мировоззрения²⁴. Наряду с разработкой традиционной проблематики, такой как изучение идеологии, жизни и быта городской буржуазии, исследователи «Книги» активно включали в свои исследования и новые темы, касающиеся идентичности, мест памяти, истории се-

sections, pragmatic markers and when-clauses in *The Book of Margery Kempe* // *Placing Middle English in context* / Ed. I. Taavitsainen. Berlin, 2000. P. 391–410. Невербальные источники видений Марджери стали предметом отдельного исследования ученых. См., напр. *Sponsler C. Drama and Piety: Margery Kempe // A companion to the Book of Margery Kempe*. P. 129–144.

²³ Специальный обзор литературы на этот предмет см. *Lane J. Explaining Margery Kempe: A Review of Literature* (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20050411073627/fac.cgu.edu/~torjese/matristics/kempereview.html>).

²⁴ Так, одни исследователи подчеркивали разрыв между Марджери и ее городским окружением, другие напротив указывали на то, что в своих действиях она руководствовалась именно городской этикой, разделяя многие понятия своих соседей, третьи акцентировали стоящую перед визионеркой проблему совмещения религиозных идеалов с городской этикой. См. *Aers D. Community, Gender and Individual Identity: English Writing 1360–1430*. London: Routledge, 1988; *Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions*. State College: Pennsylvania University Press, 1994; *Ashley K. Historicizing Margery: The Book of Margery Kempe as Social Text* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 1998. (28). (Об этом также см. *Beckwith S. Op. cit.* P. 107 и сл.)

мы и т. п. Обогащение традиционных исследований по социальной истории гендерной проблематикой способствовало расширению представлений как о позднесредневековом обществе в целом, так и о конкретных людях, вроде Марджери Кемп²⁵. Как заметила по этому поводу Кларисса Аткинсон:

«Вне зависимости от того, является ли набожность “феминной” или “маскулинной”, образ жизни определено диктовал гендер»²⁶.

Проблематизация специфически женского в набравших силу в последние десятилетия XX в. гендерных исследованиях в свою очередь вызвала новые вопросы к этому тексту. В центре внимания оказались материнство, девство, вдовство не только как социальные, статусные характеристики, но как способ существования, осмысления и даже описания мира женщинами. Марджери Кемп, побывавшая во всех этих ролях и опробовавшая на себе все предоставляемые ими возможности и налагаемые ограничения, а также подробно все это описавшая, опять же оказалась весьма востребованной фигурой.

Историки увидели в тексте Марджери замечательное свидетельство «по истории гендера, субъективности и английской культуры», позволяющее понять, как формировалась женская идентичность в определенной общности и классе²⁷. Негативно настроенные в отношении Марджери исследователи были приравнены собственными коллегами к средневековому монаху, обвинившему ее в ереси²⁸. Проблемы Марджери, ее обвинения и попытки заключения были связаны с ее борьбой за автономию и страхом мужчин перед ее примером.

«Марджери стимулировала специфически мужское беспокойство о потенциальной возможности женской автономии, потенциальной свободы выбора жизненного проекта, в котором служение мужчинам не стояло на повестке дня... Респектабельному мирянину Марджери репрезентировала образ

²⁵ Atkinson C. Op. cit.; Aers D. Op. cit.; Ashley K. Op. cit.; Godman A. Op. cit.

²⁶ Atkinson C. Op. cit. P. 159.

²⁷ Aers D. Op. cit. P. 74.

²⁸ Напр., Ibid. P. 74–75.

жизни, который мог отделить женщину от патриархальной семьи...»²⁹

Хотя «маскулинное стремление к тотальному контролю над женщинами» никогда реально не осуществлялось, о чем свидетельствует пример Отелло, не без юмора заметил известный историк³⁰, эти фантазии санкционировались законодательством, политикой и религией и доставляли женщинам немало проблем. Ситуация Марджери, по его мнению, осложнялась тем, что хотя она и принадлежала к необделенной властью городской элите, женщины этого круга были более зависимы от мужчин, чем горожанки из низших социальных слоев, поскольку в их работе не было необходимости³¹. Соответственно, в борьбе за автономию Марджери должна была найти путь, позволявший ей преодолеть патриархальный контроль, каковым стало отвержение двух ее земных семей (отца и мужа), выбор божественной семьи с «отсутствующим отцом» и акцентированием в ней отношений матери и сына³².

Наряду с изучением личности Марджери и ее окружения, не меньшее внимание исследователей занимал сам текст, его форма, жанровые особенности и как ни парадоксально даже авторство. Всплеск внимания историков к биографиям и особенно автобиографиям способствовал присвоению «Книге» Марджери «звания» первой англоязычной женской автобиографии³³, которое она достойно несла, пока споры о жанре вообще и этого текста в частности, а также о проблемах авторства и особенно женского авторства не поставили это утверждение под сомнение. В первую очередь критике подверглось определение жанра как «автобиографического» в виду его модернизации. По мнению скептиков, говорить о

²⁹ Ibid. P. 100–101.

³⁰ Ibid. P. 89.

³¹ Ibid. P. 87.

³² Ibid. P. 103–104.

³³ См., напр., *Atkinson C.* Op. cit. P. 3–4, 18, esp. 21–37; *Provost W.* Op. cit. P. 297, *Windeatt B.* Op. cit. P. 9 и др. Феминистские исследовательницы даже склонны были видеть в процессе создания «Книги» осознанный шаг выдающейся женщины: «Для того, чтобы рассказать свою историю, она изобрела первую автобиографию на английском языке...», — писала Элизабет Петрофф. (*Medieval Women's Visionary Literature* / Ed. E. A. Petroff. Oxford, 1986. P. 301).

таком жанре как автобиография до эпохи романтизма, с характерным для нее углубленным интересом к человеческой личности, было антиисторично. Они были склонны видеть в этом тексте скорее произведение духовной литературы агиографического или исповедального характера³⁴. Но и в эти рамки уложить «Книгу», содержащую немало автобиографического материала, было довольно сложно, так что текст стали рассматривать как некий симбиоз жанров — «протоавтобиографию» или даже «неудавшуюся агиографию»³⁵. В ходе дискуссии вокруг жанра вопрос «что», перерос в «зачем». Так появилась трактовка «Книги» как текста, созданного с целью beatизации или канонизации Марджери³⁶. Другие исследователи, особенно историки литературы, предпочитали решать вопрос «каким образом», анализируя текст как попытку перевода теологии на язык, доступный мирянам³⁷.

Своего рода камнем преткновения на пути определения жанра текста стала проблема авторства. Постмодернистские споры об авторе и авторстве не могли не затронуть такой области как женские мистические тексты хотя бы потому, что редкие женщины писали их сами. Немногие из них были вообще образованы, что ввело в дискуссии о женских текстах новую проблемную фигуру, а именно «писца», в котором одни исследователи увидели чуть ли не соавтора, а другие — стилистический троп, призванный повысить степень читательского доверия к автору³⁸.

Своеобразным «венцом» на пути жанрового определения «Книги» стало нашумевшее исследование Линн Стейли Джонсон,

³⁴ См., напр. Long T. L. The Book of Margery Kempe and the Pre-Tridentine Documentation of Sanctity: Paper for International Congress on Medieval Studies, Western Michigan University, May 8, 1999. (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.0catch.com/lit-opera/kempe.html>)

³⁵ Ashley K. Op. cit.

³⁶ Long T. L. Op. cit.

³⁷ Schirmer E. K. Orthodoxy, Textuality, and the “Tretys” of Margery Kempe // Journal X. A biannual journal in culture and criticism. Vol. 1. № 1, Autumn 1996 (эл. доступ http://web.archive.org/web/20050830042859/www.olemiss.edu/depts/english/pubs/jx/1_1/schirmer.html).

³⁸ Johnson L. Staley. The Trope of the Scribe and the Question of Literary Authority in the Works of Julian of Norwich and Margery Kempe”, Speculum 66 (1991). P. 820–838.

окончательно текстуализировавшей и саму фигуру Марджери Кемп³⁹. Изучение маргиналий навело исследовательницу на мысль об использовании книги в качестве *exempla*, распространенного жанра литературы, которую с современной точки зрения можно было бы назвать художественной. Поучительные примеры из жизни святых и наставляли, и развлекали читателя. Но исследовательница пошла дальше, поставив «Книгу» Марджери в один ряд с сочинениями известных английских авторов Дж. Чосера и У. Ленгленда. По ее мнению, автор «Книги» Марджери использовала тот же трюк, что и два названных классика, вводя одноименный автору образ в качестве главной героини повествования. По мнению исследовательницы, эта уловка понадобилась автору для того, чтобы обезопасить себя. «Книга» анализируется Линн Стейли не просто как художественная, но как произведение, наполненное социальной критикой, что было также свойственно текстам вышеупомянутых предшественников Марджери. Образ горожанки Марджери, чей духовный и личностный рост составляют канву повествования, на самом деле, как полагает исследовательница, служит для обнажения противоречий и конфликтов эпохи Генриха V. Описание путешествий героини позволяет перемещать ее в разных социальных слоях, вскрывая то противоречия в городе, то злоупотребления и алчность властей и духовенства. Таким образом, предостерегая читателя от модернизации и использования феминистских стратегий чтения «Книги» с одной стороны, с другой — Линн Стейли открывает первую новеллистку, искусного автора — женщину, способную не только осмыслить социальные, религиозные и политические проблемы ее времени, но и искусно закамouflировать их в «безобидное» повествование, создав тем самым выдающийся текст эпохи. Однако вызывает большое сомнение уже отправная посылка исследовательницы. Во-первых, потому, что текст сохранялся и переписывался в монастыре, что на первое место все же выносит его значение духовного чтения. Во-вторых, то, что современники могли использовать этот текст как «художественную» литературу не доказывает, что он был написан в качестве

³⁹ *Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. State College: Pennsylvania University Press, 1994.*

таковой. Наконец, если предположить реальное существование столь талантливой писательницы, остается удивляться тому, что современники не оценили гения этой женщины и не оставили о ней каких-либо свидетельств⁴⁰.

Конечно, на исследовании Линн Стейли историография «Книги» вовсе не остановилась. Продолжается изучение ее жанровых особенностей и источников, способов наррации и многих других поставленных ранее тем, как собственно и проблемы авторства. Вместо того, чтобы спорить о том, была ли «та самая» Марджери автором и в какой степени, ученые переключились на исследование особенностей средневекового авторства как явления. Фактически в результате этих исследований, подчеркивающих специфичность и нетождественность современному пониманию этого явления, вопрос о Марджери Кемп как авторе трансформировался в изучение степени ее участия в «авторской деятельности»⁴¹. Однако с точки зрения новых способов прочтения «Книги» и предъявления к ней новых вопросов историография текста на протяжении XX века фактически совершила цикл, пройдя путь от рассмотрения его, как казалось в начале столетия, «по прямому назначению» — как нравоучительного трактата, написанного малограмотной горожанкой-визионеркой, через почти «феминистский манифест» из серии «пишите себя» и признания за автором изобретения нового литературного жанра, до присвоения ему статуса «художественной литературы», т. е. практически возвращения к первоначальному назначению, но «на новом уровне». Изучение «Книги» в рамках различных историографических направлений значительно обогатило наше знание об эпохе Марджери в целом и о возможностях женщины из городской элиты в частности. Но для самого автора текста в итоге обернулось его фактическим уничтожением. Во всяком случае, вопрос «А был ли мальчик?» оказался для части профессионалов несущественным. Как кажется, эта ситуация явилась логичным следствием развития историографии «Книги».

⁴⁰ Критики находят в этой теории и другие слабые места. См. в частности *Bradford C. Op. cit.* P. 166.

⁴¹ См. об этом *Summit J. Women and authorship // The Cambridge companion to medieval women's writing / Eds. C. Dinshaw, D. Wallace. Cambridge, 2003. P. 91–108.*

Первая негативная оценка автора и ее «Книги», последовавшая за ее открытием и обнародованием и доминировавшая несколько десятилетий, вызвала бурную протестную реакцию, отразившуюся в историографии книги в 80–е годы, особенно со стороны феминистских авторов. Печать этой реакции сохранилась на всем последующем пути развития историографии «Книги» — даже в различных исследовательских направлениях доминировали общие параллельные и взаимосвязанные тенденции очеловечивания и «реабилитации» Марджери, доказательство если не ее исключительности, то хотя бы относительной нормальности и адекватности. Трактовка ее книги, как созданной с целью beatизации или канонизации вполне может объяснять не только — а, возможно, и не столько — намерения ее создателей, сколько отражать историографическую тенденцию по облагораживанию облика главной героини, а то и уподобление ее жертве патриархатного режима.

Это стремление к «реабилитации», как кажется, может быть объяснено в первую очередь с точки зрения логики развития исторической науки в XX столетии. Характерный для нее интерес к человеческой личности, внимание с одной стороны к повседневной, казуальной истории, с другой — к психологическим аспектам, изучению специфики сознания людей других эпох, мотивации их действий очевидно отразились на исследовании «Книги» Марджери Кемп. Желание понять и логично объяснить действия женщины через контекстуализацию, углубленное изучение реалий эпохи или особенности сознания и побудительных причин имело обратной стороной априорное признание «нормальности» ее поведения для ее времени. В противном случае сами исследования не имели бы смысла. Даже девиантное поведение рассматривалось через норму, т. е. через создание «матриц» девиантности, характерных для изучаемой эпохи, логично объяснимых через уже имеющееся у историков знание об изучаемом времени. Совершенно естественно, что в рамках бинарной логики женщина оказывалась или «ретроградом», защищавшим старую систему ценностей, или проводником новых, еще не устоявшихся.

Еще более «гуманизации» Марджери способствовало влияние на историю феминистских идей и появление «женской истории» и гендерных исследований. Кроме всего прочего, влияние феминиз-

ма выразилось в приходе в историческую науку в большом количестве женщин–исследовательниц. Это имело принципиальное значение в связи с введением в историческое знание новых исследовательских полей, изучающих «специфически» женское, сферу женского опыта, как бытового, поведенческого, так и «ментального». Женщины–исследовательницы откровенно заговорили не только об образовании Марджери, но и о ранее табуированных темах, например сексуальности, менопаузе и других вещах, имеющих важное значение как для анализа поведения самой Марджери, так и окружающих ее людей. И кто мог это понять лучше самих женщин?

Об активной роли историка заговорили давно, еще со школы Анналов, но анналистский историк — это все же историк мужчина или профессионально маскулинизированная женщина, исповедующие мужской опыт, мужские ценности, способ осмысления и отношение к объекту анализа. И этот шаблон до сих пор существует и успешно работает⁴². Именно поэтому нередко исследовательницы женщины, позволяющие себе быть женщинами в профессии, т. е. привносящие в нее свое видение, ценности и интерпретации скептически воспринимаются частью историков–традиционалистов, все еще, часто даже не подозревая того, проповедующих «мужскую историю». С приходом в историческую науку женщин была проведена переоценка поведения Марджери, вызванная и потребностью защитить «свою» историю, что вполне вписывается в феминистскую этику «сестринства», но и, что конечно важнее, пониманием ее проблем в рамках гендерной истории более глубоким, чем это могли бы предложить исследователи–мужчины.

Однако при очеловечивании образ Марджери оказался не слишком красивым. Акцентирование ее негибкой воли и энергии не могло скрасить очевидную вздорность характера и эгоизм, которые было трудно затушевать даже эксцентричностью мистика и героизмом борца. А углубленное изучение религиозных, литературных и социальных практик эпохи способствовало все большему

⁴² Влияние гендера на историческую профессию, а точнее ее маскулинный характер, уже давно стал предметом критики женщин–историков, в частности известного ученого Бонни Смит. См. *Smith B. The Gender of History: men, women, and Historical Practice. Harvard University Press, 2000 (1–th ed. 1998), esp. P. 3–4, 185.*

ее укоренению в них и даже некоторой «обыденнизации». Инаковость эпохи и ее обычаев также не делала женщину, регулярно вступающую в открытые распри с современниками, приятнее. Исследователи оказались в ситуации конфликта между необходимостью любить объект своего изучения, особенно если он(а) репрезентируется как носитель(ница) передовых ценностей (например, борец с патриархальным режимом) и ее не особо приятными человеческими качествами, остающимися таковыми как с точки зрения средневековой, так и современной этики. Даже понимание того факта, что за этим восприятием стоит гендерная этика, предписывающая женщине, что во времена Марджери, что сегодня, иные поведенческие нормы, не делает ее эмоционально привлекательнее. Как представляется, разделение Марджери–автора и Марджери–героя замечательно решало именно эту проблему — негативные черты относились на долю героя, а неизвестный автор даже повышал свой литературный статус, как впрочем и текст, превращаясь из (почти) безыскусного рассказа в искусную социальную критику. Это решение не только способствовало душевному комфорту исследователя, примиряя его с исследуемым (а фактически создаваемым им) героем, но позволяло, преодолев погрешности ранних феминистских авторов, тем не менее записать Марджери Кемп в значительных авторов эпохи и поддержать феминистскую традицию поиска великих женщин. Правда, при этом автор превращался в «вещь в себе», ведь других источников, способных пролить свет на личность женщины, помимо ее книги, не сохранилось.

Как ни парадоксально, но попытка, отправлявшаяся от восстановления назначения текста, в результате обернулась своей противоположностью: если автор и героиня Марджери видели цель своей книги в передаче читателю ее «чувств» и «откровений», то отделение автора от героя именно их и превратило в «фикшн», доводя до логического завершения фактически всю историографическую традицию отделения текста от его назначения. Как для многих современников, так и потомков именно «чувства» и «откровения» визионерки оказались маловажными. Текст Марджери стал свидетельством эпохи для социальных историков, шагом в развитии английской литературы для специалистов в этой области, манифестом женского сопротивления репрессивному маскулинному режиму

для женской истории, и большинство при этом твердо верило, что пытается «вернуть» женщине ее собственный голос. На фоне этих исследований специалисты по истории религии, обосновывавшие место визионерки, заметим, не самое выдающееся, в контексте религиозной жизни ее времени, выглядели приличными консерваторами — собственно с критики их текстов и началось становление историографии «Книги» Марджери. В последующем к их исследованиям периодически прислушивались, не забывая при случае бросить в них камень, но гораздо большую известность приобретали труды, укоренявшие «Книгу» Марджери в современность и ее проблемы. В этом ряду несомненно самым заметным и ярким было исследование Линн Стейли, соединившее высокий профессиональный уровень с запросами современной культуры.

Анализ историографии «Книги» Марджери Кемп неизбежно приводит к в общем далеко не новому вопросу о том, зачем мы изучаем тексты других эпох, что нужно от них современному читателю и историку, и фактически о роли истории и историка в современном обществе. Хотя романтические представления о значимости прошлого для понимания современности давно были отягощены грузом постмодернистских сомнений, тем не менее, вне их история как наука по-прежнему не имеет смысла и будущего, во всяком случае, в своем современном виде. Уход ряда специалистов в текст и непризнание ничего кроме него делает сам этот текст социально бесполезным, как и его интерпретатора. По-видимому, до тех пор, пока историки будут искать в прошлом если не ответы, то хотя бы уроки, историография «Книги» будет продолжать обогащаться новыми интерпретациями, как и ее автор, возрождаться все в новых обликах.

*Суприянович Александра Геннадьевна
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник, руководитель Центра
гендерной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-53-91, E-mail: genderhistory@gmail.com*